

Клюквина поляна



ТАТЬЯНА
ВАХРАМЕСОВА

18+

Татьяна Вахрамеева

Клюквина поляна

«Автор»

2026

Вахрамеева Т.

Клюквина поляна / Т. Вахрамеева — «Автор», 2026

Опытный воин, оказавшийся не у дел. Любимая дочка богатого сельского старосты. Нелюдимая ведунья из покосившейся избы у околицы. И пришлый чужеземец, шастающий по наполненным ужасами лесам и болотам земель Новгородских, как кот по забору. Что же выйдет, если эти четверо окажутся приневолены друг к другу единой миссией, а из общего у них только походный котелок, взаимное недоверие и страстное желание решить собственные проблемы без учёта мнения других? Как проявит себя каждый, когда Болото начнет свою игру, подкидывая ловушки, смертельные опасности и искушения? И смогут ли они преодолеть его испытания, не распростившись с рассудком и жизнью? У каждого из них есть цель. У каждого из них есть боль. И каждый из них поставит на карту всё, лишь бы Болото откликнулось именно его зову.

© Вахрамеева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Витязь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Татьяна Вахрамеева

Клюквина поляна

Глава 1. Витязь

– Эк. Почти достал, злодей! – с удовлетворённой улыбкой Ратибор утёр кровь, сочившуюся из царапины на щеке, и как следует пнул под рёбра лучника, которого он при помощи щита и топора другого, упокоенного минутой ранее разбойника, стряхнул с ёлки, попутно рубанув меж плеча и шеи.

Лучник, до этого судорожно возивший ногами по рыжеватой, засыпанной опавшими иголками земле, затих. Хвойная подстилка под ним стремительно наливалась бурым цветом. Обочина просеки, только что полнившаяся звуками отчаянной драки, снова погрузилась в тишину. Из-за деревьев отчетливо донеслось одинокое «ку-ку».

– Полно, откуковали свое, – тихо пробормотал Ратибор, перетряхивая нехитрую одежду лучника, а после переходя к его товарищам, что лежали неподалёку в том же состоянии.

Закончив дело, Ратибор с сожалением вздохнул и подавил в себе порыв еще раз пнуть кого-то из убитых разбойников. Не со злости, а от разочарования. Всей добычи с этих паршивых овец было что: деревянная ложка, пара медяков, огниво с пучком сухой травы да шитый красными нитками материнский оберег. Оберег он и трогать не стал, ложку выбросил, а вот медяки, огниво да подсобивший ему в драке чужой щит прихватил с собой – пригодятся. Одежка на татях – и так препоганая – после драки совсем потратилась, а от сапог остались хлипкие опорки. Топоры Ратибор тоже не взял – у того, коим он по ёлке шандарахнул, от удара колун едва с топорщица не слетел. Больно надо.

– Эй, хозяин! – позвал Ратибор, сбегая обратно на просеку. – Вылазь! Дальше ехать будем.

Из-под грязной тряпки, полностью накрывавшей криво сколоченную подводу, запряжённую тощей клячей, высунулась чернявая физиономия с редкой бородой и вороватыми маленькими глазками:

– Ох, благодарствуй! Благодарствуй, родимый! – тоненько заголосил мужик, переваливаясь через борт телеги и одной ногой пытаясь нащупать под собой землю. – Избавил Осмомыслушку от беды да смерти лютой!

– Хорош блажить, – осадил его Ратибор. – Услышит ещё кто – мало не покажется.

Предупреждение оказало волшебное действие: видно, Осмомысл всё еще находился под впечатлением после того, как четыре часа назад из невесть откуда взявшегося тумана донеслось тихое «Ау», а следом проступили вытянутые силуэты со светящимися глазами.

По сравнению с разбойниками из плоти и крови, лесные твари виделись ему куда более опасными созданиями, поэтому купец мгновенно заткнулся и, смешно задирая колени, побежал к кляче, у морды которой схватился за вожжи. Теперь надо было вытянуть телегу из ямы, куда она угодила колесом, да двигаться дальше. Ночёвка в этих лесах была идеей очень смелой. Но глупой.

Ратибор, кинув щит в короб подводы, приподнял дощатый задник. Глинистая, сырая почва с досадой чвякнула, выпуская свою добычу. Лошадка, влекомая Осмомыслом, потащилась вперед.

– Порядок! – сообщил Ратибор собственнику, когда телега снова оказалась на ходу. – Можно ехать!

– А как же энти вон? – купец, забираясь на передки, с опаской глянул на прекративших свой земной путь работников ножа и топора. – А ну, как встанут да следом потащатся? Мож, прибрать их как-то надобно?

Ратибор уже запрыгнул в кузов и устраивался на грядке:

– Волки их приберут, не скись! – беззаботно откликнулся он. Сидеть было неудобно, места не хватало – почти весь ящик телеги занимали накрытые той самой тряпкой коробка с купеческим добром. – Трогай, давай!

– Цоб-цобэ, холера! – мотивировал клячу вожжами по хребту Осмомысл, и повозка со скрипом тронулась дальше.

Сидеть было неудобно, но снова шагать рядом с телегой – значит отказать себе в возможности восстановить силы. А они могли еще понадобится. Поэтому Ратибор размял плечи, и на краткий миг позволил себе прикрыть глаза. Хотите – верьте, хотите – нет, а запах леса так ощущался во сто крат ярче. Иногда Ратибору казалось, что лесной воздух сам по себе способен исцелять и придавать сил. Сняв рукавицу, он снова дотронулся до щеки – царапина уже не кровила. «Славно», – оценил Ратибор и вернулся к тому, чем занимался до момента нападения. А именно: начал озирать лес вдоль дороги в поисках новой опасности. Лес хоть и радовал терпким, холодным ароматом, но ёлки, склонявшиеся над старой просекой так, что невозможно было увидеть и клочка чистого неба, выглядели неприветливо. Даром что ль говорят: в бору – веселиться, в берёзовой роще – жениться, а в ельнике – давиться?

Давиться Ратибор пока не собирался. Хотя где-то очень в глубине души был готов признать, что положение у него откровенно аховое. Срок уплаты долга маячил острым оскалом, не хуже волколака из-за тына. А вот где достать денег, коими этот долг платить? На сей вопрос у опытного ратника ответа не было.

Вернее, как. Ответ-то, конечно, ясен – податься в дружину к князю Новгородскому. Вот где и червонцы, и стол, и амуниция по чести. Но там Ратибор уже был. И, понятное дело, оставил службу отнюдь не из тяги к фрилансу.

С тех-то пор он и перебивался мелкими заработками, сопровождая купеческие подводы, да отгоняя охочих до людской плоти тварей от деревенских околиц. Крестьяне платили в основном истовой благодарностью и щедрыми благословениями, но зачастую шли на попятную, стоило разговору с благ духовных перейти на материальные. И даже те гроши, которые удавалось получить – и те почти полностью уходили на оплату роста. Нынче же гасить предстояло не рост, а сам долг. Вот поэтому-то Ратибор, наступив на горло своей же песне, начистил до блеску меч, заново переплел ножны, да на последнее справил себе целые сапоги – и подался в Новгород. Очень сильно надеясь, что его появление останется незамеченным для всех, для кого он хотел оставаться незаметным. Умысел у Ратибора был прост: Новгород – город большой и богатый, авось найдётся там какая работёнка? Впрочем, что все его чаяния идут псу под хвост он понял еще у ворот – по выражению лица дозорного на сторожевой башне. «Узнал, собачий выпороток!» – про себя уяснил Ратибор. Последствия не заставили себя ждать, и вскорости ему пришлось спешно искать возможность покинуть городской посад. Дело было бы совсем тоскливо, да только Ратибору напоследок улыбнулась удача в виде подвернувшегося на базарной площади купчины.

За сопровождение подводы купец – вёрткий мужичонка по имени Осмомысл – пообещал щедрую награду. Дескать, он знатно расторговался, а теперь путь домой в деревню Широкие Пятки держит. Да только лесом-то нынче ехать куда как боязно: лихие люди там шибко озоруют. Да и кто пострашнее пошаливает. А посему, хвалился купчина, будет витязю цельный кошель серебра, коли Осмомысла до Широких Пяток в целости и сохранности доставит.

Сказать, что Ратибор обрадовался этой возможности – ничего не сказать. Вдобавок дорога до Широких Пяток была ему знакома.

Дорога может и была знакома, но раньше он никогда не замечал, что лес вокруг, вплотную подступая к просеке, отливает будто бы синью: словно в изумрудные лапы елей какой-то баловник вплел атласные ленты сапфирового цвета. Однако, наслаждаться красотой ему пришлось недолго. На исходе первого же часа, как они въехали в лес, из-за деревьев раздался молодецкий посвист и на тропинку высыпали ражие парни с кистенями. К счастью, тут всё обошлось по-простому: как только Ратибор снёс челюсть первому на очереди, остальная очередь рассосалась сама собой. Парни были, видно, умные: едва ль не под стенами города работать – это знать, надо иметь дольщиков из посадской дружины. Но и выгода кратная: торгашей тут ездит – немеряно. А чего ж ради рисковать здоровьем, когда запросто можно найти того, у кого охрана попроще?

Челюсть снесенную, они, кстати, удирая, так на тропке и оставили. Ратибор из неё зуб золотой выдрал. Грабастик-бедолаге он больше ни к чему, а так на хорошее дело пойдет.

После этой стычки наступило длительное затишье аж до самых сумерек. Дорога уныло вела все дальше в чашу, и Ратибор даже начал думать, что это будут первые в его карьере лёгкие деньги. Но как только он так подумал, на просеку из леса поползли клочья бирюзового тумана. Это ещё можно было как-то объяснить – закатом, влажностью, располагавшимся неподалёку огромным болотом. Но потом из-за деревьев послышалось тихое, как дуновение ветра, «Ау!», следом показались первые очертания чёрных голов с горящими пустыми глазницами. И Ратибор понял, что легких денег не будет.

Замотался он с этими когтистыми оглоблями – ни в сказке сказать, ни пером описать. Пока одного в мох вколачиваешь, другой к лошади подбирается, а третий уже в борты телеги частоколом зубов вцепился – дерево гложет и глазами-гнилушками прямо в рожу орущему Осмомыслу светит: дескать, дальше за тебя примусь. Вот и бегай меж ними, только поспевай. Спустя час от беготни по пересечённой местности Ратибор озверел настолько, что минут пять одного ауку башкой костлявой о пень лупасил, плюнув на других. На удивление, другие за это время не обглодали ни лошадь, ни купца, кулём валявшегося на дне телеги, заливавшегося слезами и молитвами, а только увлечённо наблюдали за процессом. Под конец процедуры твари ушли тем же методом, что и пришли, пару раз уважительно аукнув на прощание. Только пострадавший покинул место событий оригинально – растаял туманом, который ватной змеей тотчас уполз за ближайшую ёлку. Только выбитые треугольные зубы так и остались лежать на пеньке. Ратибор забрал и их. Золотых там, конечно, не было, но вдруг удастся продать этукую диковину какому-нибудь ведуну?

А ещё погода, когда уж до Широких Пяток почитай вёрст десять осталось, в тёмках что-то просвистело, и с Осмомысла слетел треух. Что ж, для того самого лучника, который теперь заливал кровушкой еловую подстилку на оставшемся позади откосе, это достижение оказалось вторым по значимости после царапины на щеке Ратибора.

К счастью, на этом приключения закончились и оставшуюся часть пути купец и его телохранитель то молча тряслись в повозке, то молча шли по обе стороны от нее, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. Когда из-за деревьев проступили очертания бревенчатых изб деревни Широкие Пятки, Ратибор догнал Осмомысла и кивнул ему на приближающиеся дома:

– Я свою часть уговора выполнил. Давай серебро свое.

После этих слов Осмомысл засуетился:

– Так ведь вон как: ты по дороге знатно прибарахлился, я ж ни кусочка добычи-то себе не взял, не попросил даже! – опуская глаза и копясь за отворотом добротного зипуна, выдал Осмомысл. – Стало быть, и уговор наш уже выполнен.

– Ты, гад плешивый, смеяться надо мной вздумал?! – опешил Ратибор. – Давай, говорю, что обещал! Иначе жбан расколочу и в овраг закину – пусть тебя там лягухи стерегут!

– На вот, лихоимец! – Осмомысл с видом оскорбленного достоинства протянул ему горсть потемневших ордынских медяков, вытащенных из-за пазухи. – Где ж видано такое: с честных людей росту в полу драть?

Ратибор посмотрел на горсточку монет в мозолистой ладони купца. Потом на самого Осмомысла. Потом вытащил меч.

– Ты чегой-та? Ты чегой-та вытворяешь, нехристь?! – попятился Осмомысл, с которого все достоинство облетело в момент. – Вон, гляди: боле ничего нету!

С этими словами он распахнул зипун – в лоскуте, пришитом заботливой женской рукой к изнанке, осталась от силы пара самых мелких монеток.

– А ну, пояс развязывай, межеумок! – приказал Ратибор, делая шаг ближе и перехватывая меч так, чтобы было видно: его намерения абсолютно серьёзны. – Не то за шиворот ухвачу, да так трякну, что и гривенники, и говнище, и дух твой вон полетят!

– Пощади, Ратиборушка, пощади, батюшка! – купчина серьёзность ситуации осознал и брякнулся на колени. Как паутина на ветру затряслась реденькая бородёнка. – Нешто ж витязь славный аки лихие люди озорничать мает?! Нешто ж чужое силою брать будешь?!

От слов этих у Ратибора в глазах красная пелена встала. Едва сдерживаясь, чтобы не пришибить мошенника на месте, он рявкнул:

– Я своё брать буду! – Ратибор замахнулся мечом. – Не хочешь серебром – шкурой твоей!

Вот тут даже менее сообразительный человек уяснил бы, что торг завершён. И завершён не в его пользу:

– Да как же так-то-о! – тоненько завыл Осмомысл, поспешно дёргая широкий пояс. – Да смилуйся, батюшка!

Из пояса на мягкую чёрную землю, даже не звякая, пролился тоненький ручеёк медяков. Сверху шлепнулись штук шесть серебряных гривен. На богатую выручку, которой хвастался купец, это совершенно не тянуло.

– Дурить меня вздумал, обдувало болотное?! – прорычал Ратибор. – Ты ж божился, что целый кошель мне отвалишь! Так где он, кошель-то твой?

– Да откель у меня столько, родимый?! – на той же ноте заголосил Осмомысл.

– Не хочешь говорить – сам найду!

Ратибор быстро проверил лошадиную сбрую и днище телеги – торговый люд был весьма изобретателен в делах сокрытия дохода. Не обнаружив там заначки, он под жалобные завывания купца запрыгнул в подводу и, сдёрнув тряпку, начал перетряхивать берестяные короба.

– Ой, родимец, не губи! Родненький, не разоряй! – Осмомысл поднялся и на дрожащих ногах приковылял к телеге, наблюдая, как Ратибор переворачивает его имущество. Короба были хороши – из свежей бересты и расписаны красиво, но заветных серебряных слитков в них категорически не наблюдалось, поэтому Ратибор недолго думая выкинул их за борт, обнажая дно подводы. И застыл в недоумении:

– Это ещё чего?!

– Товар мой, – всхлипнул Осмомысл.

На дне ровным слоем лежали куски чёрно-белой коры, сшитые самым причудливым образом.

– Это ж кора, дубина, – больше для себя, чем для Осмомысла, произнёс Ратибор. Ему не верилось, что кто-то мог додуматься в розницу торговать корой. Не берестой, не поделками, и даже не берёзовыми жаркими поленьями. – Ты корой что ль торгуешь?

– Не корой, а хфасонными портами, – утирая глазёнки, придиричиво уточнил Осмомысл.

Ратибор пригляделся: кора и впрямь была вырезана в форме порток, прошитых толстой суровой ниткою. Видя очевидное непонимание на лице воина, Осмомысл счёл нужным объяснить:

– Это нонеча манер такой. Все Европы такое нашивают, вот и новгородцы переняли.

Непонимание на лице Ратибора уступило место недоверию, и Осмомысл со знанием дела продолжил:

– Они, как с ганзейством задружились, сразу и пустились в эти хфасоны! Де, коль берёзу на задницу натянешь, то быдто б ты ближе к этой берёзе становишься!

– Пускай с Новгороду своего нос почаше высовывают – тут берёз этих, как у дурака погремушек! Наслаждайся близостью хоть до упаду! – недоверие Ратибора сменилось обоснованным раздражением, и он принялся расчищать дно, намереваясь его обыскать. – В некоторых аж дупло для этих целей предусмотрено.

– Истинную правду баешь, витязь! – горячо поддакнул Осмомысл, подступая ближе к борту и наблюдая, как Ратибор безуспешно обшаривает внутренности подводки да на звук трясет готовую продукцию, проверяя, не упрятано ли серебро в «хфасонах». – Тока बारे чудят – кто ж им указ? А тут хоть приработать мочь выпала. Прослышал я об хфасонах этих, коры надрал, да и давай штанцы сочинять! Думал – со сбыву заживу, и торговля поначалу бойко шла. А третьего дня в штанах купленных один барин долгоносика обнаружил!

– Да и что ж за беда? – гнев Ратибора уже не горел так ярко. Просто тлел угольками. У него никогда не получалось всерьёз злиться на таких вот затейников. Обыск результата не дал, поэтому он, потирая руки, полные заноз, спрыгнул с телеги, прихватив только свой щит. – Вытряхнул – да дальше пошел!

– А ты, витязь, сам-то пробовал с долгоносиком в портах хаживать? – сощурился глаз, уточнил купец.

На это у Ратибора нашлось сразу несколько ответов, но пока он выбирал самый хлёткий, Осмомысл воспользовался его заминкой:

– То-то же! – мужик решил, что ему удалось перехватить инициативу и бросился частить. – А барин тот тем же днём как прибежал, как давай меня славить на весь базар! Насилу ноги унёс! Так и пошла по всем лавкам да базарам обо мне слава нехорошая: дескать, Осмомысл из Широких Пяток, хфасон не по кондициям сбывает, да честным людям голову морочит! Так и поехал я прочь, не солоно хлебамши, даже половины не продал, ни портов, ни коробов! – на этом месте купец снова захлюпал носом. – Погорел он, биздес мой. Спасибо, что твоей милостью, живой остался. Теперича – вон, деточек не знамо, чем прокормить!

По грязному лицу Осмомысла, застывшего у разгромленной телеги, потекли непритворные слёзы.

– Тьфу на тебя, кисель ты брыдлый, – Ратибор подошел к монеткам, так и валявшимся на том месте, где они выпали из купца, взял с земли один продолговатый серебряный брусочек и ковырнул его ногтем. Гривна показалась ему вроде полновесной. – Пришиб бы, да трудов своих жалко.

С этими словами Ратибор развернулся и пошел прочь.

Злился ли он? Ну, да. Еще бы.

Но злился он, конечно, в первую очередь на себя: сколько раз давал зарок плату вперед просить. Или хотя б требовать, чтоб показали. А этот... предприниматель-виртуоз... Чего с него взять-то, с дурака?

Вслед, будто в ответ помыслам Ратибора, донеслись наполненные искренней радостью пополам с недоверием крики Осмомысла:

– Благодарствуй, родимец! Благодарствуй, золотой! Хошь – порты себе самые лучшие выбери в придачу, будешь, как बारे новгородские! Не за службу, по душе!

– Проваливай, пока цел! – не оборачиваясь, посоветовал Ратибор, стремительно шагая в темноту.

Ночевать в Широких Пятках ему совершенно не хотелось.

До приличной харчевни не ближний свет, но они недавно проехали поворот с полусгнившим указателем. «Коли поблизости есть деревня, этого с лихвой хватит на еду и на ночлег.

А там разберёмся», - думал Ратибор, убирая гривну за отворот кожаной рубахи, поближе к сердцу. Обо всём остальном он решил пока не думать. Ратибор валился с ног от усталости и голода и только показавшийся на обочине указатель немного поднял ему дух.

Указатель представлял собой потрескавшуюся доску, заросшую мхом и плесенью. Сквозь трещины и подступающую со всех сторон тьму Ратибор разобрал коряво выведенные буквы. Надпись гласила:

– «КЛЮКВИНА ПОЛАНА»... ВЪРСТЬ.

Сколько вёрст до этой самой «Поляны» Ратибору узнать не удалось: то ли цифры стёрлись, то ли автор не дружил с арифметикой и попросту решил не указывать расстояние. Глянув на освещённую лунным светом тропку, ответвляющуюся от основной просеки, Ратибор заметил, что она покрыта уже не столько хвоей, сколько плотным ковром листьев. Деревья тут расступались, от чего путь казался намного светлее, и можно было идти, не рискуя растянуться в луже, запнувшись о корягу. Смущало только одно: оттуда доносился запах, совершенно не похожий на прохладный бодрящий запах хвойного леса. Принюхавшись, Ратибор различил дух ряски, застойной воды, а едва он ступил на тропу, его обдало сладким ароматом ночных цветов. Сомнений не оставалось: где-то поблизости та самая непроходимая топь, нехорошие шепотки о которой он слышал даже в Новгороде.

Но и выбора не оставалось тоже. Поэтому Ратибор энергичным шагом устремился дальше, держа ладонь на рукояти меча. Честно говоря, сама идея заночевать по соседству с болотом была ему шибко не по душе. Если гонять лесную тварь по твердой земле уже стало для него привычным делом, то духи болот, хитростью заманивающие в трясины, виделись подлыми лжецами, с которыми доброму витязю связываться не пристало. Едва он вспомнил о духах, как из темноты мелодичный женский голос томно позвал:

– Ратибор... Иди ко мне... Яхонтовый мой... Приласкаю...

– Сама ко мне иди, – отвлечённо ответил занятый своими мыслями витязь, даже не повернув головы. – Мечом по зубам приласкаю – плевать сможешь далеко. И свистеть складно.

Тварь обиделась и больше на связь не вышла. Только беспомощно зашуршала молодым ивняком, удаляясь. Однако, рукоять меча Ратибор так и не выпустил.

Луна переплыла с левого края тропинки на правый, когда сквозь усталые ветви ив, пришедших на смену елям, витязь увидел теплые огоньки большого посёлка. А через час он уже со скрипом открывал дверь комнатёнки, которую хозяин постоялого двора отвёл припозднившемуся гостю.

Горница была на удивление чистая, хоть и выглядела – проще не придумаешь. Широкая лавка с целым, без единой заплатки, сенником да лоскутным одеялом – у стены рядом с печной трубой. Кованый сундук – у противоположной стены. Рукомойник, ведро и медный таз – в углу.

Не покои – мечта.

А ещё полусонные кухарки сварганили ему добротный ужин из остатков трапезы других постояльцев, разрешили развесить кожаную рубаху, служившую ему единственным доспехом, прямо у печи, и налили целый кувшин горячей воды.

«А жизнь-то налаживается», – подумал Ратибор, окатывая себя пригоршнями воды из таза, в котором он развёл кипяток. Подумал, и вспомнил о долге. Ещё один день прошёл, неумолимо приближая срок расплаты. А с новгородскими ростовщиками шутки плохи. И искать своих должников эти гады подколодные горазды. Ещё бы, все воеводы у них: кто на поводке, а кто и на крючке. Тут по лесам не спрячешься. И наказание за неуплату для Ратибора страшнее смерти: руку отхватят – да и вся недолга. Чем же он тогда жить станет?

Вытерев мокрые волосы, отерев лицо и грудь, он кинул полотенце на рукомойник – авось, высохнет до утра, после чего снова достал из ножен меч. Повертев его и так и сяк в правой руке, он перебросил оружие в левую и попробовал сделать то же самое.

Получалось.

Только разница в исполнении, конечно, была как между треньканьем сельского балалачника и игрой княжеского скомороха. Ратибор, может, и еще бы потренировался, но до его слуха донесся тихий шёпот и озорное хихиканье. Первым делом он кинул взгляд на закрытое ставнями окно, заподозрив, что «яхонтовая» с тропки решила возобновить знакомство. Но звук шёл не оттуда. Голоса доносились от двери, через трещину в которой Ратибор тут же углядел чьи-то румяные щёчки и вздёрнутый носик. В два шага он оказался у двери, и, распахнув её, сначала услышал визг, потом быстрый топот, следом – хохот, а уж потом увидел две крепко сбитые фигурки в нарядных рубахах, опрометью припустившие от него по коридору.

– А ну, шасть отсюда, пигалицы! – прикрикнул он вслед девушкам, но они только веселее засмеялись.

В любой другой день эта шаловливая выходка, несомненно, подняла бы ему настроение, а то и вдохновила бы броситься в погоню – просто посмотреть, а кто же это тут такой любопытный ребячится? Но сейчас он только прикрыл дверь в комнату поплотнее, бережно убрал меч обратно в ножны и со стоном растянулся на лавке. Сенник пах свежей соломой, и её солнечный, чистый аромат причудливо перемежался пряным запахом сосновых брёвен да берёзового дёгтя, кусок мыла из которого Ратибор приладил на крышку кувшина. Поверх, словно завершающий аккорд колыбельной, парил дух свежего хлеба и горячих пирогов. Ратибор закрыл глаза и вдохнул так глубоко, как мог. Умиротворение как рукой сняло: где-то в глубине этой восхитительной композиции ему почудился всё тот же запах цветущей воды и гнили. Но усталость уже полным ходом брала своё.

Перед погружающимся в сон витязем хороводом замелькали образы и тревоги прошедшего дня. Купчина с берёзовыми портками. Разбойники – умные и наоборот. Принципиально разные подходы к зубокачественному делу. Голоса – человеческие и не очень. Тарелка с пшённой кашей. Окорок, с которого перед подачей старательно срезали чужие надкусы, и хрустящая молодая редиска. Шероховатая поверхность обеденного стола в трактире на первом этаже, и окна из слюды – ни зги не видно, но богато. О чём-то угрюмо толковавший со своей женой хозяин двора. И приткнувшийся в уголке силуэт в чёрной одежде на алых застёжках. Почему-то во время ужина Ратибор даже внимания на него не обратил, а теперь перед глазами так и плыли кисти белых рук, гладившие грубую деревянную кружку так любовно, будто она была серебряным кубком с изысканным фряжским вином. Отчего этот тип, которого он и рассмотреть-то по чести не успел, так плотно втемяшился ему в череп, Ратибор не имел ни малейшего понятия.

Объяснение пришло в голову само, будто квакушка на пенёк запрыгнула:

«А. Точно. Я ж рубаху внизу оставил. Как бы не спёр. Надо пойти, забрать», – вспомнил Ратибор. Вспомнил и провалился в крепкий, здоровый сон.

Разговоры в трактире и горницах окончательно стихли. Поочередно притухли огоньки в избах – кроме заветных лучинок в красном углу. Лёгонький ветерок пробежался по зарослям камыша – ласково, словно спящую кошку погладил и сам улётя рядом. Лунное сияние рассыпало хрустальные слёзы по бревенчатым и соломенным крышам, плетням и нацепленным на них глиняным кувшинам. Над самой кромкой леса тончайшим перламутровым пёрышком парила не желавшая оставлять небосклон вечерняя зорька. Завёл свою песенку и тотчас умолк сверчок.

И в образовавшейся тиши над селом зазвучал голос, сотканный из капелек воды и горькой полыни:

Что ж ты милый, ставни сводишь?

Что ж моей тропой не ходишь?

Нешто я тебе чужая?

Ты ж навеки мой, я знаю!

Дверь ты мне скорей открой,

Вынь из-под порога соль,
В печку выкинь образа,
Чтоб не жгли мои глаза.
Дай мне руку, жилу вскрой,
Я теперь всегда с тобой,
Побежали на болото – стану там твоей женой.
Следом тоскливо заскулили сельские псы. А через миг опять всё стихло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.